

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-4-8-28

Преемственность и разрывы в экономической истории России XIX–XX вв.

Л.И. БОРОДКИН, член-корр. РАН, доктор исторических наук
E-mail: borodkin@hist.msu.ru МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Представлены важные обобщения исследований, характеризующих различные аспекты преемственности и разрывов в экономической истории России. Обсуждаются условия и факторы индустриализации и экономического роста в России/ СССР с конца XIX до середины XX века. С помощью моделей исторических альтернатив показаны потенциальные возможности экономического развития России при сохранении нэповской экономической модели. Использование верифицированных информационных массивов и математических моделей создает возможности количественно оценить эффекты тех или иных радикальных институциональных реформ и крупных событий, произошедших в точках «исторических развилок», долгосрочные последствия проводившейся экономической политики. Представлены результаты исследования динамики заработной платы, процессов имущественного и социального расслоения, послуживших немаловажным аргументом при обосновании отказа от нэпа. Отмечается, что переход к форсированной индустриализации сопровождался существенной дифференциацией заработной платы на фоне общего падения доходов рабочих, а периоды нэпа и первой пятилетки лишь вывели уровень жизни рабочих на дореволюционные показатели. Обсуждаются роль и результаты экономики принудительного труда. Намечены важные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: экономическая история; индустриализация; математическое моделирование; исторические разрывы; институты; нэп; динамика заработной платы; стимулы к труду; социальное расслоение

Леонид Иосифович Бородин – известный российский ученый, основоположник отечественной исторической информатики, сопредседатель Научного совета РАН по экономической истории, специалист в области применения математических методов в исторических исследованиях и моделирования исторических процессов. Под его руководством созданы масштабные верифицированные информационные ресурсы по социально-экономической истории России/ СССР XIX–XX веков, а результаты исследований опубликованы в ряде фундаментальных монографий. В интервью «ЭКО» он кратко рассказал о некоторых из них.

В.К.: *После 1991 г. в социально-гуманитарных дисциплинах активно обсуждается проблематика преемственности*

и разрывов применительно к позднейимперскому и раннесоветскому периодам истории страны. Вы последовательно работаете в направлении того, чтобы преодолевать «стены» и находить «мосты» между данными эпохами. Достаточно вспомнить дискуссии о сравнении моделей дореволюционной и советской индустриализации. Что, на Ваш взгляд, удалось сделать и доказать в данной предметной области?

Л.Б.: Это объемный вопрос, подробный ответ на него потребовал бы большой статьи. Попробую выделить несколько моментов, близких по профилю моих исследований. Начну с наиболее дискуссионных.

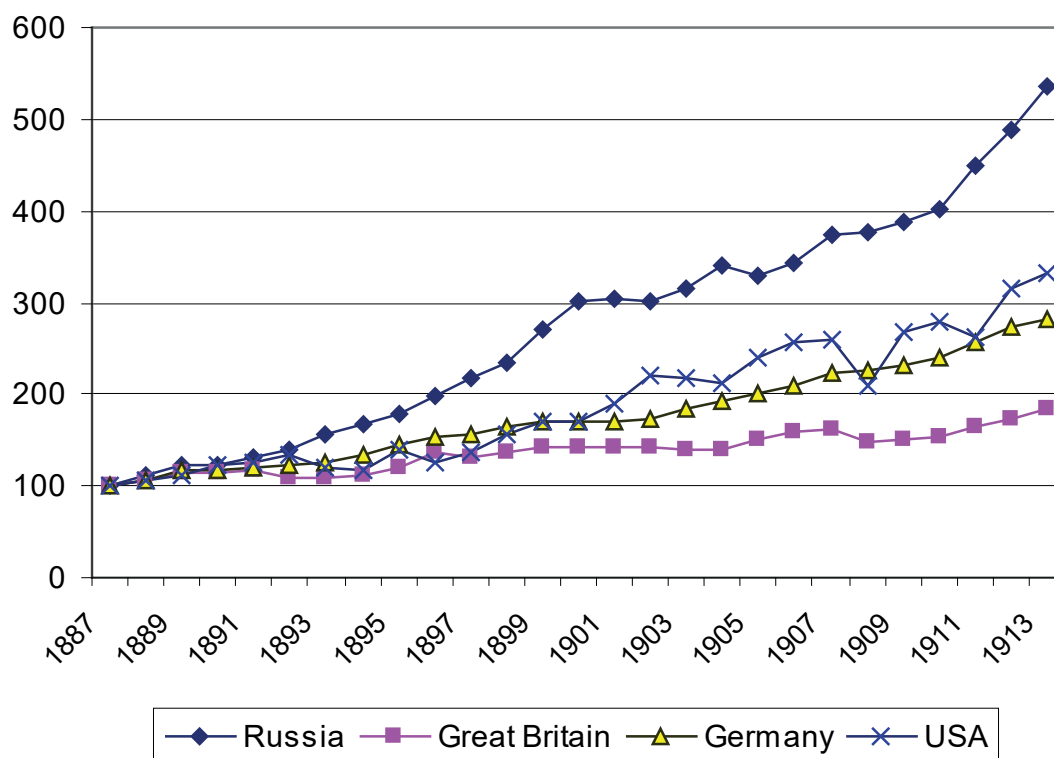
Первый из них касается немаловажного аспекта процесса индустриализации Российской империи, охватившего период длительностью четверть века до Первой мировой войны. Речь идет об оценках экономического потенциала России начала XX века в сравнении с другими странами, темпов роста российской промышленности. В течение последних двух десятилетий эти оценки являются предметом споров как российских, так и зарубежных экономистов-историков.

В значительной мере импульс этим дискуссиям был задан публикацией в 1994 г. фундаментального исследования Л. Б. Кафенгауза «Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.)». В 1930 г. набор этой книги, содержащей большой массив динамических рядов, характеризующих развитие основных отраслей российской промышленности, был рассыпан в связи с арестом автора.

Введение в научный оборот этих данных позволило расширить спектр учтенной промышленной продукции в течение 40-летнего периода 1887–1927 гг. и уточнить оценку темпов роста промышленного производства в 1887–1913 гг., подняв ее до 6,5% в среднем за год.

По признанию П. Грегори, наиболее авторитетного зарубежного специалиста по экономической истории России второй половины XIX – XX вв., «российское промышленное производство и производительность труда в промышленности в последние 25 лет перед Первой мировой войной росли исключительно высокими темпами по сравнению с другими промышленно развитыми странами» (рисунок). При этом темпы роста промышленности

Российской империи в годы индустриальных рывков (их было два – вторая половина 1890-х гг. и последние 4–5 лет перед Первой мировой войной) были сравнимы со средними темпами промышленного роста в период советской индустриализации (около 10% в год, по уточненным оценкам).

Динамика индекса промышленного развития России и трех ведущих стран мира (1887–1913 гг.). 1887 г. = 100%

Вплоть до 1980-х гг. существовала практически консенсусная оценка доли Российской империи в мировом промышленном производстве: **3,4%** в 1881–1885 гг., **5,0%** в 1896–1900 гг. и **5,3%** в 1913 г. Исходя из этих оценок, отставание России от Великобритании по данному показателю сократилось в 1885–1913 гг. втрое, а от Германии и США – на четверть. Однако в 1982 г. известный швейцарский экономист П. Байрох предложил пересмотр этой оценки: по его расчетам, она достигла значения 8,2% в 1913 г., что соответствует 4-му месту России в мире – после США (32%), Германии (14,8%) и Великобритании (13,6%), заметно опережая Францию (6,1%).

В последнее время и оценка П. Байроха подвергается пересмотру в сторону увеличения: в 1913 г. «российская обрабаты-

вающая промышленность составляла от 8% до 11% мировой»¹, при этом в среднем «производительность российских предприятий была примерно на 15–20% ниже, чем британских». Заметим, что традиционная для нашей историографии оценка производительности труда в российской промышленности начала XX века гораздо ниже: она уступает в 3–4 раза производительности промышленного труда в передовых странах.

Дискуссионным вопросом является на данный момент и оценка ВВП Российской империи в сравнении с другими странами. Как отмечается в новом издании Кембриджской экономической истории Европы Нового и Новейшего времени (в разделе «Европейский экономический рост»), «начиная с 1890-х гг. Россия развивалась поразительными темпами»². Вслед за публикациями ведущих европейских эконом-историков последних 10–20 лет, это авторитетное издание дает следующую оценку ВВП крупнейших европейских держав и мировых империй (учитываются метрополии) в 1913 г. (в млрд долл. 1990 г.)³: США – 517, Германия – 280, Россия – 265, Великобритания – 229, Франция – 129, Австро-Венгрия – 122, Италия – 96. В этом ряду у России третье место, по величине ВВП она немного уступает Германии и заметно опережает Великобританию, не говоря уже о Франции и Италии. Отметим, однако, что по показателю ВВП на душу Россия уступала всем указанным странам.

Таким образом, последнее десятилетие оказалось временем дискуссий и пересмотра сложившихся представлений об уровне промышленного развития России на двух этапах ее индустриализации (дореволюционном и советском), а также темпов ее экономического роста. Эти дискуссии могут повлиять и на оценку экономических факторов развития процессов в стране в последующие годы, включая и годы нэпа.

В.К.: *Как и с каких позиций можно оценивать потенциал нэпа, характера его кризисов и противоречий и его «обреченность». Считаете ли Вы дискуссии об альтернативах, развилках*

¹ Сапрыкин Д. Л. Место промышленности Российской империи в мировой: сравнительный анализ и оценки // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / Под ред. А. И. Миллера и К. А. Соловьева. М., 2021. С. 543

² Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 2: 1870 – наши дни. М., 2013. С. 55.

³ Там же. С. 57.

применительно к выбору путей и перспектив развития страны в 1920-е гг., ведущиеся среди историков, экономистов и политологов, «игрой ума», как полагают некоторые специалисты?

Л.Б.: Я бы остановился подробнее на второй части вопроса, она мне ближе в последние годы. Альтернативы в историческом развитии долгое время оставались фактически запрещенной темой в исследованиях советских историков. Почему? Считалось, что рассмотрение альтернатив нарушает один из основных постулатов исторического материализма, основанного на неизменности законов исторического развития. Пожалуй, первым из наших ученых, нарушивших этот негласный запрет, был академик И. Д. Ковальченко, опубликовавший в 1986 г. в журнале «История СССР» статью «Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии». Автор – один из ведущих историков-методологов – рассматривал альтернативу как историческую реальность, определяя ее следующим образом: «Альтернативной является такая историческая ситуация, которая характеризуется борьбой общественных сил за реализацию существенно отличных возможностей общественного развития»⁴. Это определение открывает возможности научного изучения, математического моделирования альтернатив, «развилок» исторического развития. Ковальченко отводил изучению альтернатив важное место, подчеркивая, что их игнорирование «обедняет представления об исторической реальности». В совместной работе с Иваном Дмитриевичем мы рассматривали имитационную модель альтернативного развития социальных процессов в российской деревне начала XX в., ориентированную на оценку результатов столыпинской реформы.

Вообще, надо сразу подчеркнуть, что моделирование альтернативных исторических ситуаций – это не поиск ответа на произвольный вопрос «что было бы, если...». Цель такого моделирования – оценить эффект тех или иных реализованных реформ, событий, произошедших в точках исторической развилки. Излишне упоминать здесь т.н. «альтернативную историю» (например, «Новую хронологию»), не имеющую никакого отношения к научному изучению истории.

⁴ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 85.

Прежде чем обратиться к нашей модели альтернативы году «Великого перелома», хотел бы упомянуть о некоторых известных примерах моделирования альтернативных вариантов развития экономических процессов в России первой трети XX века.

Один из наиболее ранних примеров такого рода был предложен Х. Хантером и Я. Ширмером⁵. Авторы разработали модель KAPROST, которая показала, что отказ от коллективизации и расширение рыночных механизмов позволили бы к 1940 г. создать запас капитала, превышающий реальные цифры на 29,2–35,6%, а доля тяжелой промышленности была бы даже выше той, которая была достигнута в реальности.

В своей книге «Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution»⁶ Роберт Аллен отмечает аграрный характер экономики дореволюционной России, а сталинскую модернизацию рассматривает как естественное продолжение политики Петра I. В первой главе книги автор отмечает, что вопрос «а что было бы, если?..» не является бесполезным при изучении альтернатив. В качестве примера он обращается к кампании принудительной коллективизации.

В годы нэпа в партии шла ожесточенная дискуссия относительно путей развития сельского хозяйства, и принятое решение вовсе не было очевидным. Отсюда возникает вопрос: как могла бы развиваться экономика страны, если бы решение о коллективизации не было принято? Р. Аллен использует компьютерную модель, позволяющую воспроизвести возможные варианты экономического развития.

Автор указывает еще одну причину, определяющую важность использования методологии контрфактического моделирования: оно позволяет ответить на ряд принципиальных вопросов, например: «Какие институты системы оказались эффективными, а какие нет? Существовали ли возможности изменить реализованный вариант развития, сделать его более перспективным и ускорить темпы роста уровня жизни населения? Следует ли безоговорочно принять негативную оценку ситуации в СССР, или же отдельные аспекты экономической организации того

⁵ Hunter H., Szyrmer J. *Faulty Foundations. Soviet Economic Policies, 1928–1940*. Princeton, 1992.

⁶ Allen R. C. *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton, 2003.

времени стоят того, чтобы в будущем их взять на вооружение?». Такого рода вопросы требуют, по мнению Р. Аллена, именно контрфактического анализа, что является обоснованием использования этого метода в книге⁷.

Что касается коллективизации, то она, по Аллену, обеспечила миграцию рабочей силы из аграрного в промышленный сектор (этому аспекту автор уделяет особое внимание). Модель Аллена показывает, что если бы этот миграционный поток можно было осуществить с помощью механизмов нэпа, то темпы роста ВВП были бы примерно теми же. Работа Аллена получила немало критики – по поводу методики построения индексов, недостаточного внимания к данным, открывшимся в ходе «архивной революции» 1990-х гг., занижения оценок потребления в дореволюционной России и др.⁸.

В определенной полемике с моделью Аллена может рассматриваться статья А. Черемухина, М. Голосова, С. Гуриева и О. Цывинского, в которой предлагается взгляд на сталинскую индустриализацию и экономическое развитие России через призму неоклассической экономической модели⁹.

Авторы рассматривают более длительный период – 1885–1939 гг., указывая на факторы долгосрочного экономического роста. Ключевым параметром у них выступают искажения рыночного равновесия (при отсутствии государственного регулирования цен и перемещения людей между секторами и внутри них). Основной вопрос авторов, мотивированный работой Р. Аллена, формулируется несколько публицистично: верно ли, что Сталин был необходим для того, чтобы Россия не превратилась в страну третьего мира?

Все ключевые переменные модели (запас капитала, инвестиции, ВВП, потребление) оцениваются авторами в рублях 1913 г. Структура экономики в модели включает два сектора: сельскохозяйственный и промышленный. Экономика дореволюционной России в условиях модели достигает к концу рассматриваемого

⁷ *Allen R. C. Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. Princeton, 2003. С. 12–13.*

⁸ *Шестаков Д. Е. Советская индустриализация в контексте экономической теории // Экономическая история, 2013. № 2.*

⁹ *Cheremukhin Anton, Golosov Mikhail, Guriev Sergei, Tsyvinski Aleh. Was Stalin Necessary for Russia's Economic Development? URL: <https://economics.mit.edu/files/8702>*

периода довольно схожей со сталинской экономикой структуры и близких уровней производства. Однако эта структурная трансформация достигается, следуя модели, за счет значительных затрат, измеренных в эквивалентах потребления; издержки сталинской политики были слишком велики для экономики мирного времени. При устранении существовавшей к 1913 г. монополизации рынков Российской империи уровень жизни был бы наполовину выше достигнутого в годы советской индустриализации, а доля аграрного сектора в добавленной стоимости снилась бы до 1/5¹⁰. Обзор критики этих моделей представлен в работе Д. Шестакова¹¹.

О международном признании научной актуальности моделирования альтернатив можно судить из текста обоснования решения Шведской королевской академии наук о присуждении в 1993 г. Нобелевской премии по экономике известным американским экономистам-историкам Роберту Фогелю и Дугласу Норту:

«...Они были пионерами в том направлении экономической истории, которое получило название „новая экономическая история“, или клиометрика, т.е. направление исследований, которое сочетает экономическую теорию, количественные методы, проверку гипотез, контрфактическое моделирование и традиционные методы экономической истории для объяснения процессов экономического роста и упадка. Их работы позволили углубить наше знание и понимание таких фундаментальных вопросов, как – почему, каким образом и когда происходили экономические изменения. Отмеченные премией работы Роберта Фогеля связаны с анализом роли железных дорог в экономическом развитии США, значения рабства как института и его экономической роли в США; отмечены также результаты, полученные Фогелем в историко-демографических исследованиях. ...Фогель и Норт, двигаясь разными путями, развили новые подходы в экономической истории, придав ей больше строгости и теоретичности»¹².

¹⁰ *Cheremukhin Anton, Golosov Mikhail, Guriev Sergei, Tsyvinski Aleh.* Was Stalin Necessary for Russia's Economic Development? URL: <https://economics.mit.edu/files/8702>

¹¹ Шестаков Д. Е. Указ. соч.

¹² The Newsletter of Cliometric Society. 1993. Vol. 8. №. 3.

Завершая тему моделирования в истории, упомяну о направлении, которое развивается у нас с 1990-х гг. и ориентировано на изучение неустойчивых исторических процессов, внезапных событий. Оказалось, что здесь интересные результаты можно получить с помощью современных методов нелинейной динамики, синергетики. Появляется научная методология для изучения и моделирования нестабильных хаотизированных ситуаций, в которых малые флуктуации могут вызывать в точках бифуркации лавинообразные процессы (типа радикальных социальных протестов, биржевых обвалов и т.д.). В итоге динамика процесса может резко изменить траекторию, выйти на альтернативный вариант развития. Исследования таких процессов в сфере экономической и социально-политической истории России проводятся на нашей кафедре в течение ряда лет¹³. Но эта тема требует более обстоятельного обсуждения.

В.К.: *Какое значение имеет сценарный подход, или альтернативный ретропрогноз, как Вы его обозначаете применительно к периоду нэпа? Расскажите о Вашем подходе и наиболее важных результатах в этой области.*

Л.Б.: Здесь мне хотелось бы привести пример моделирования альтернативных вариантов развития, обратившись к социальной динамике крестьянства в период нэпа. Этот период, содержащий альтернативные возможности, является коротким, но драматичным, закончившимся «Великим переломом» 1929 г. Вопрос о том, был ли он исторически неизбежным переходом к мобилизационной программе индустриализации, коллективизации и «раскулачивания», или же было возможно развитие нэпа по пути расширения сферы действия рыночных отношений, оказался одним из наиболее актуальных в дискуссиях историков, начиная с рубежа 1980-х – 1990-х годов.

Один из аргументов, который обсуждался на партийных форумах 1920-х гг. (и вызывал дискуссию), был напрямую связан с вопросом о том, в какой мере социальные процессы в деревне приобретают опасный характер. Все чаще высказывалось мнение о том, что в деревне идет расслоение, поляризация, нарастает

¹³ *Бородкин Л. И. Нелинейная динамика социально-политических процессов прошлого: методологические проблемы моделирования неустойчивого развития // История и математика. Анализ и моделирование социально-исторических процессов. Альманах. Отв. ред. А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин. М., 2007. С. 8–48.*

напряжение между бедным крестьянством и зажиточным, что приведет к социальному взрыву в нэповской деревне. Так ли это было на самом деле?

Мы обратились к источникам, которые содержали сведения о социальной мобильности крестьянства в годы нэпа – это динамические переписи, которые проводились ЦСУ СССР в середине – второй половине 1920-х годов ежегодно по одним и тем же «гнездам» и охватывали свыше 600 тыс. хозяйств во всех основных регионах страны. Это наиболее массовое из выборочных обследований доколхозной деревни.

Имея данные о распределении крестьянских хозяйств по имущественным группам и количестве хозяйств, которые за год перешли из одной группы в другую, можно с помощью математической модели дать ретропрогноз социальной структуры к концу рассматриваемого периода. Если исходить из предположения о неизменности направления и интенсивности переходов между различными группами крестьянских дворов (условие стационарности модели), то можно получить ретропрогноз и для более отдаленного времени.

Параметры имитационной модели, основанной на аппарате марковских цепей, настраиваются по данным источника, а затем год за годом модель вычисляет динамику численности групп (бедняцкие, середняцкие, зажиточные хозяйства), «не зная» при этом, что в 1929 г. произошел «великий перелом». Таким образом мы можем оценить, какой была бы социальная структура крестьянства к 1932 г. (конец первой пятилетки) в предположении, что ее эволюция со второй половины 1920-х гг. продолжалась бы в той же тенденции, при тех же параметрах модели.

Анализ данных динамических переписей, учитывавших размеры посевов крестьянских дворов, показал, что во второй половине 1920-х годов на территории страны не было ни одного региона, в котором шел бы процесс дифференциации крестьянства в направлении образования полярных групп. Модель выявила, что сохранение в течение нескольких лет после «Великого перелома» условий хозяйственной деятельности, характерных для второй половины 1920-х гг., не привело бы к существенному расслоению деревни, напротив – увеличивалась бы доля середняков за счет уменьшения доли бедняцких дворов при незначительном росте зажиточной группы.

В процессе моделирования мы рассмотрели две группы губерний, принадлежавших к Производящему и Потребляющему районам РСФСР (каждая группа включала по 13 губерний).

Как показала имитационная модель, в губерниях Производящего района к 1932 г. значительно снизился бы (в сравнении с 1925 г.) удельный вес беднейшей группы с посевом до 2 дес. (с 28,7% до 19,5%). Доля хозяйств, засевавших от 2,1 до 4 дес. («слабая» середняцкая группа), уменьшалась по модели незначительно. Ощутимо (почти на треть, до 43%) возрос бы удельный вес крестьян, имевших от 4,1 до 10 дес. посева («сильная» середняцкая группа). Значительнее всего (с 3,1 до 4,8%) увеличилась бы доля зажиточной группы, в которой посев превышал 10 дес. Однако ее удельный вес в социальной структуре крестьянства был столь невысок, что этот процесс относительно мало воздействовал на глубину расслоения деревни.

Таким образом, в случае сохранения существовавших в годы нэпа условий ведения хозяйства крестьянство этого важнейшего района не только бы не распалось на полярные группы, но, напротив, как показывают результаты моделирования, на фоне общего повышения экономического уровня укрепились бы позиции средних слоев.

Результаты моделирования социальной динамики крестьянства Потребляющего и Производящего районов выявляют близкие по характеру тенденции. Удельный вес беднейшей группы крестьянства Потребляющего района к 1932 г. снизился бы в соответствии с моделью с 60,4 до 39,9%. Доля «слабых» середняков увеличилась бы с 31,2 до 37,6%. Как показывает модель, число «сильных» середняков возросло бы в Потребляющем районе в 3,2 раза, в силу чего их удельный вес подскочил бы с 8,3 до 21,8%. Наиболее высокими темпами увеличивалась численность зажиточных дворов (в 6,7 раза). Однако, даже несмотря на значительное увеличение их числа, удельный вес этой группы к 1932 г. составил бы лишь 0,6%.

Таким образом, как показывает имитационная модель, продолжение политики нэпа после «великого перелома» не привело бы ни к взрывному росту аграрной экономики, как утверждают одни, ни к хозяйственному хаосу и социальным катаклизмам в деревне, как считают другие. Выдвигавшийся аргумент о том, что нэповская деревня идет в конце 1920-х гг. к социальной войне

(и требует перехода к коллективизации), не получил подтверждения в разработанной модели альтернативного варианта развития.

В.К.: *Вы с коллегами изучали и проводили сравнительно-исторические исследования «рабочего вопроса» применительно к дореволюционному и постреволюционному периодам. Расскажите о самом важном, на Ваш взгляд, что удалось обосновать, доказать.*

Л.Б.: Попробую в кратком варианте затронуть часть вопросов по «рабочей истории», которые нашей группе удалось прояснить в той или иной мере в ходе работы по ряду исследовательских проектов, используя как статистические источники, так и архивные фонды различных предприятий.

Реальная зарплата промышленных рабочих в годы дореволюционной индустриализации росла, хотя и медленно (за четверть века она выросла на 10–20% в различных отраслях), в отличие от уменьшавшейся реальной зарплаты рабочих в годы первой пятилетки, когда потребовалось вводить карточную систему.

Разрыв в зарплате рабочих высокой и низкой квалификации, характеризующий уровень стимулирования квалифицированного труда, в годы дореволюционной индустриализации был достаточно высок на фоне ряда стран более ранней индустриализации. Этот факт мы установили, работая с архивными материалами предприятий различных отраслей начала XX века.

Сохранился ли такой уровень дифференциации оплаты труда промышленных рабочих в годы нэпа? Ответ на этот вопрос можно получить, обратившись к данным о зарплате рабочих разных отраслей, собиравшимся в 1920-х гг. ВЦСПС. Так, данные, отражающие профессиональный «срез» дифференциации оплаты труда рабочих-текстильщиков отдельно для мужчин и женщин, позволяют оценить динамику показателей дифференциации на двухлетнем периоде с 1926 г. по 1928 г. – в годы постепенного «сворачивания» нэпа.

Анализ этих данных по текстильной промышленности показал, что в годы нэпа, так же, как и в начале XX века, разница в оплате женского труда была менее существенной в сравнении с мужским трудом. Так, в 1926 г. зарплата сновальщиц (сравнительно высокооплачиваемой профессии) была в 1,6 раза выше, чем зарплата съемщицы (профессия невысокой квалификации).

Что касается мужчин-рабочих, то здесь мы можем сравнить в качестве профессий с высокой и невысокой квалификацией те же занятия, которые мы рассматривали для дореволюционных предприятий: раклистов и ткачей. В 1926 г. зарплата раклистов превышала зарплату ткачей в 2,5 раза; к 1928 г. уровень дифференциации оплаты труда в обоих случаях практически не изменился. Показатель дифференциации зарплаты мужчин-текстильщиков несколько понизился в сравнении с дореволюционным уровнем. Это наблюдение остается в силе, даже если взять в качестве неквалифицированной рабочей силы чернорабочих: в этом случае показатель принимает значения 2,64 для 1926 г. и 2,54 – для 1928 г.

В данном случае мы не обращаемся к анализу этих показателей для периода первых пятилеток. В 1930-х гг. политика государства в области оплаты труда промышленных рабочих резко изменилась. В концентрированном виде ее сформулировал Сталин в известной речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. В этой речи он призвал «отменить уравниловку и разбить старую тарифную систему..., организовать такую систему тарифов, которая учитывала бы разницу между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким».

Начиналась эпоха внедрения принципиально других подходов к стимулированию труда, где методы принуждения, вознаграждения и побуждения применялись в неизвестных ранее сочетаниях, а дифференциация зарплаты в зависимости от квалификации и производительности труда резко возросла.

Важным вопросом является характер динамики уровня жизни промышленных рабочих в годы Первой мировой войны, которая в определенной мере определяла ход событий после двух лет участия в ней России, в 1916–1917 гг. Этот вопрос имеет несколько составляющих, включая заработную плату рабочих и прибавки к ней, которые производились предпринимателями; социальные льготы, вводившиеся на предприятиях для рабочих и членов их семей; поддержку семьям мобилизованных в армию, которую оказывало государство путем их обеспечения казенным продовольственным пайком, а также общественную помощь семьям призванных в действующую армию.

Все эти составляющие позволяли поддерживать приемлемый (в условиях войны) уровень жизни рабочих в течение первых двух военных лет, однако с конца 1916 г., и особенно после Февральской революции 1917 г., в течение последующих месяцев, проблема обеспечения рабочих (и основных слоев населения) продовольствием обострилась, что привело к резкому падению уровня жизни в стране, росту недовольства, создало почву для развития протестных движений и хаотизации социально-политической обстановки.

В 1923 г. ЦСУ, исходя из данных профсоюзной переписи 1918 г., проведенной в 31 губерниях, находившихся под контролем правительства большевиков, дало оценку динамики средней реальной зарплаты фабрично-заводских рабочих в 1913–1918 гг. С учетом роста дороговизны средняя реальная зарплата (в рублях 1913 г.) была такой: в 1913 г. – 258 руб., в 1914 г. – 272 руб., в 1915 г. – 281 руб., в 1916 г. – 278 руб., в 1917 г. – 220 руб. и в 1918 г. – 27 руб. По этим данным видно, что обвал уровня жизни рабочих начинается в 1917 г., а в 1918 г. реальная зарплата падает катастрофически.

Отметим, что за средними цифрами стоят заметные различия в оплате труда рабочих разных отраслей. Так, в 1916 г. средняя реальная зарплата на предприятиях оборонной промышленности превышала уровень 1913 г. на 22,8% (при этом производительность труда выросла на 75,7%), в то время как в отраслях, не принимавших участия в работах на оборону, зарплата снизилась на 15,2% (при снижении производительности труда на 5,5%).

Каковы были механизмы роста реальной зарплаты рабочих в годы войны на частных и акционерных предприятиях? Для ответа на этот вопрос мы обратились к архивным материалам ряда крупных текстильных предприятий Центрально-промышленного района. Анализ архивных данных показал, что с началом Первой мировой войны в связи с недостаточностью казенного пособия семьям мобилизованных в армию рабочих, а также с учетом роста цен правления этих предприятий стали назначать свои пособия и проводить регулярные повышения заработка рабочих.

Сведения об этих повышениях мы смогли выявить в архивах; речь идет об объявлениях, которые развешивались в основном на стенах фабричных корпусов и в цехах предприятия. Большая

часть этих объявлений имела целью информирование рабочих о проводимых правлением предприятия повышениях оплаты труда рабочих.

Изученные нами архивные материалы показывают, что за годы войны на крупных предприятиях такие повышения проводились 12–16 раз. Номинальная зарплата рабочих к весне 1917 г. выросла в среднем в 3–4 раза по сравнению с довоенной. Однако во второй половине 1917 г. темп роста дороговизны принял угрожающий характер. Правления изучавшихся нами предприятий пытались смягчить последствия роста цен и надвигавшегося дефицита продуктов питания. Проведенный нами анализ данных о темпах инфляции и росте номинальной зарплаты фабричных рабочих показывает, что попытки предпринимателей повысить номинальную зарплату рабочих не смогли компенсировать рост инфляции, особенно начиная с весны 1917 г. «Ножницы» в темпах роста инфляции и зарплаты постепенно расширялись.

В целом наши исследования не дают оснований для аргументированных суждений о том, что именно экономический фактор (в частности, динамика реальной зарплаты рабочих) являлся ведущим в развитии драматических событий в России 1917 г., хотя и приуменьшать его роль не следует.

Как изменялся уровень жизни рабочих в конце 20-х гг., на излете нэпа и сразу после «Великого перелома»? Собранные нами данные о номинальной зарплате рабочих-текстильщиков Москвы на предприятиях по производству хлопчатобумажных тканей, шерсти и шелка показывают ее рост, хотя и не очень существенный – за период с сентября 1927 г. по декабрь 1930 г. он составил соответственно 19,3%, 23,5% и 18,9%.

Однако в условиях растущего товарного дефицита и связанной с ним инфляции вопрос об изменениях уровня жизни рабочих требует оценки динамики реальной зарплаты. Полученные оценки реальной зарплаты рабочих-текстильщиков Москвы показывают, что в 1929 г. начинается ее падение: весной – на предприятиях по производству хлопчатобумажных тканей и шерсти, осенью – шелка. С осени 1927 г. до конца 1930 г. это падение составило 24,2%, 21,6% и 24,5% по соответствующим отраслям текстильной промышленности Москвы.

Эти оценки не подтверждают выводов авторов сборника, посвященного итогам выполнения первого пятилетнего плана

развития народного хозяйства СССР, изданного Госпланом: «в течение 1928–1932 гг. происходил неуклонный подъем уровня заработной платы пролетариата», «резко возрос уровень материального и культурного благосостояния трудящихся масс»¹⁴. Уровень номинальной зарплаты рабочих действительно рос, а вот к уровню реальной зарплаты это вряд ли относилось.

В.К.: *Ряд Ваших работ посвящен исследованию экономики принудительного труда в сталинское время. В какой мере и в каких формах практики принудительного труда сохранялись и после окончания Гражданской войны и можно ли считать, как принято сейчас думать, что система ГУЛАГа являлась безальтернативной («иного было не дано»)?*

Л.Б.: Принудительный труд начал применяться в стране уже в 1918 г. Именно тогда в России возникает термин «концентрационный лагерь». Обычно это был изолированный объект содержания арестованных, расположенный в городе или за его чертой. На восьмом заседании ВЦИК в феврале 1919 г. председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский обозначил предполагаемый контингент этих лагерей:

«Я предлагаю оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения, или если мы возьмем советские учреждения, то здесь должна быть применена мера такого наказания за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т.д. Этой мерой мы сможем подтянуть даже наших собственных работников».

Лагеря сначала были в распоряжении ВЧК, а затем ОГПУ. К концу 1920 г. на территории РСФСР были созданы 84 «лагеря принудительных работ», в которых содержалось около 50 тыс. человек.

Работая в рамках нашего проекта в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), мы выявили материалы статистического обследования, проведенного в 1921 г. отделом статистики труда ЦСУ РСФСР при подготовке к выпуску третьей главы издания «Труд и профессиональные союзы».

¹⁴ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1934. С. 180.

Источником данных явилась ежемесячная текущая отчетность дисциплинарных товарищеских судов при губернских отделах и уездных бюро профсоюзов. Состав проступка работника определял вид наказания: выговор и порицание, уменьшение и лишение премий, вычеты из заработка, лишение пайка, понижение в должности, увольнение, сверхурочные работы и отработки, общественно-принудительные работы, лишение избирательных прав, а также арест и заключение в концлагерь.

Так, среди наказанных рабочих-металлистов 23% были заключены в концлагерь. Конечно, порядок содержания в таком заведении еще не был похож на порядки в лагерях последующих десятилетий, прообразом которых был Соловецкий лагерь особого назначения (сформированный в 1923 г.). Опыт хозяйственной деятельности Соловецкого лагеря (СЛОН) был учтен при развертывании с 1930 г. сети лагерей ГУЛАГа.

Роль лагерной системы в советской экономике, в объеме ВВП, оценивается в целом невысоко: 2–3%. Где работали заключенные? Прежде всего – на строительстве крупных промышленных объектов, особенно в отдаленных районах страны; на сооружении каналов, объектов гидроэнергетики; в горнодобывающей отрасли (на шахтах, рудниках, золотых приисках); на строительстве железных и автодорог; на лесоповале и т.д.

В ряде важных отраслей вклад лагерной системы был достаточно высоким. Рабочая сила ГУЛАГа составляла около 10% от всех занятых в советской промышленности и строительстве; в ряде отраслей народного хозяйства вклад лагерей заметно превышал 10% их продукции. Это относится, например, к промышленному строительству, гидростроительству, лесной промышленности и др. Так, объем лесозаготовок ГУЛАГа в 1940 г. составлял около 40% всех заготовок Наркомлеса СССР и почти 13% объема всех лесозаготовок.

Есть ли основания считать, что система ГУЛАГа являлась безальтернативной («иного было не дано»)? Ответ на этот вопрос надо искать, на мой взгляд, в рамках концепции *Path Dependence* (зависимости от предшествующего развития). После «Великого перелома», обозначившего решительный курс на коллективизацию, «раскулачивание», форсированную индустриализацию, массовое использование принудительного труда становилось неизбежным. Однако применение «обычного» принуждения

было недостаточным для решения многих задач ускоренной индустриализации.

В 1929 г. 13 мая вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об использовании труда уголовных арестантов», подписанное секретарем ЦК Сталиным (1929 г.): «Перейти на систему массового использования за плату труда уголовных арестантов, имеющих приговор не менее трех лет, в районе Ухты, Индиго и т.д. Поручить комиссии в составе тт. Янсона, Ягоды, Крыленко, Толмачева, Угланова подробно рассмотреть вопрос и определить конкретные условия использования арестантского труда».

Экономические функции ГУЛАГа с самого начала были связаны с целями, достижение которых было практически невозможно в условиях тех методов принуждения и стимулирования труда, которые применялись на предприятиях вне лагерной системы. Эти функции включали: обеспечение развития отдаленных районов страны, направление в которые вольнонаемных работников требовало привлечения значительных средств; создание мобильной рабочей силы, легко перебрасываемой с объекта на объект в соответствии с планами руководства страны; обеспечение возможностей эксплуатации этой рабочей силы практически без ограничений, вплоть до полного истощения; повышение уровня дисциплинированности «свободных» работников ввиду угрозы попасть в лагерь; снижение давления на скудный потребительский рынок, облегчение решения сложных социальных проблем (например, жилищной и инфраструктурной) ввиду изоляции миллионов заключенных и других «спецконтингентов». Добавим еще задачу самокупаемости ГУЛАГа – расходы на содержание заключенных должны были покрываться доходами от его производственной деятельности.

Возьмем, например, Норильский горно-металлургический комбинат. Мы немало поработали с рассекреченной архивной документацией по строительству этого огромного предприятия на Крайнем Севере. В пиковое время там работали около 100 тыс. заключенных ГУЛАГа. Вряд ли это можно было сделать силами вольнонаемных. Для этого нужна была бы другая модель устройства государства и соответствующей экономики.

Сегодня, например, в районах Крайнего Севера (Ямал и др.) идет масштабная добыча нефти. Она что, заключенными ведется?

Нет, конечно. Но для этого надо людям платить нормальную зарплату и создавать приемлемые условия для такой трудной работы. Так осваивался Север в Канаде или Аляска в США. Однако там люди жили в условиях другой экономики.

Я далек от проведения исторических параллелей, но замечу, что предыдущая фаза индустриализации, проходившая в дореволюционной России, была достаточно успешной. В течение четверти века – до Первой мировой войны – Россия сделала впечатляющий промышленный рывок. Однако на этой фазе принудительный труд практически не применялся, а уровень жизни широких слоев населения страны не понижался.

И отдельная тема – историческая развилка, пройденная Китаем на рубеже 1970-х – 1980-х гг., когда руководством КПК было принято решение о модернизации и индустриализации страны в русле неонэпа, при обеспечении соответствующей внешней политики. Отметим, что начальные условия китайского рывка были по ряду аспектов близкими к тем, которые имелись в Советской России на рубеже 1920–1930-х гг. (имея в виду прежде всего ВВП на душу населения и долю сельского населения).

Можно сказать, что система ГУЛАГа «вписывалась» в ту мобилизационную, форсированную модель советской индустриализации, формировавшейся командной экономики, которая была инициирована сталинским руководством в конце 1920-х годов и предполагала масштабное использование принудительного труда в разных формах (наряду, отметим, с внедрением новых форм стимулирования труда в советской промышленности).

В.К.: *Какие направления в социально-экономической и политической истории нэпа представляются Вам наиболее актуальными, перспективными?*

Л.Б.: Можно назвать несколько таких направлений.

1. Мы нуждаемся в обоснованной оценке динамики развития промышленности в годы нэпа. Очевидно, довоенный уровень производства был достигнут разными отраслями не одновременно; с конца 1920-х гг. в историографии доминирует мнение о том, что в целом восстановление промышленности завершилось к 1927 г. Уточнение существующей оценки на базе серьезной работы с источниками позволит более обоснованно оценить состояние советской промышленности перед переходом к форсированной индустриализации.

2. Необходимо более внимательно исследовать динамику показателей уровня жизни населения Советской России в годы нэпа. Традиционно считалось, что эти показатели достигли уровня 1913 г. к 1927 г. Однако в 2020 г. эта оценка подверглась радикальному пересмотру в публикации Р. Аллена (в соавторстве с Е. Хаустовой). Авторы построили динамику реальной зарплаты рабочих, занятых в промышленности и строительстве, введя новые оценки инфляции и получив выводы о том, что уровень жизни (*living standards*) в России в годы нэпа увеличился вдвое по сравнению с 1913 г. Что касается периода первых пятилеток, то за эти годы, по расчетам Р. Аллена, реальная зарплата вернулась к довоенному уровню.

3. Слабо исследованы процессы имущественной дифференциации в годы нэпа, особенно в городской среде; отсутствуют аргументированные оценки неравенства доходов населения в эти годы (во многом это связано с недостатком систематических данных о подоходном налоге).

Так, материалы расширенной статистики РСФСР в 1927/28 г., полученные по итогам налогового обследования ряда городов, губерний и округов РСФСР в 1927/28 г., характеризуют лишь непролетарские категории плательщиков подоходного налога – трудовых (лица свободных профессий; кустари, не применяющие наемного труда), а также «буржуазных» (владельцы и арендаторы строений и земельных участков, кустари с наемными рабочими), включая и капиталистических (промышленники и торговцы). Эти категории охватывают всего несколько процентов рабочих и служащих, плативших подоходный налог.

Это далеко не полный перечень вопросов о характере процессов, протекавших в Советской России в годы нэпа. Думается, что назрел вопрос об их исследовании в рамках комплексного проекта, включающего специалистов из различных научных центров России и других стран, работающих по проблематике социально-экономической и политической истории рассматриваемого периода.

Беседовал **В. И. Клисторин**, доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства, Новосибирск

Summary

Borodkin, L. I., Doct. Scie. (Hist.), Corresponding Member of RAS, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Continuity and Gaps in the Economic History of Russia in the 19th–20th Centuries

Abstract. The author in his interview presents a major summary of the studies describing various aspects of continuity and discontinuities in the economic history of Russia. The conditions and factors of industrialization and economic growth in Russia / the USSR from the end of the 19th century to the middle of the 20th century are discussed. With the help of models of historical alternatives, the author shows the potential opportunities for Russia's economic development if the NEP economic model would be applied. The use of verified source data and mathematical models makes it possible to quantify the effects of certain radical institutional reforms and major events that occurred at the points of “ history-making forks”, as well as the long-term consequences of the economic policy pursued. The author also discusses the results of the study on the dynamics of wages and the property and social stratification processes, which served as an important argument in justifying the rejection of the NEP continuation. He notes that the transition to forced industrialization was accompanied by a significant differentiation of wages against the background of a general drop in workers' incomes, while the NEP and the first five-year plan brought the indicators of workers' living standard to pre-revolutionary values. The role and results of the compulsory labour economy are discussed. Important directions for further research are outlined.

Keywords: *economic history; industrialization; mathematical modeling; historical gaps; institutions; NEP; wage dynamics; incentives to work; social stratification*

Статья поступила 16.03.2021

Статья принята к публикации 17.03.2021

Для цитирования: *Бородкин Л.И. Преемственность и разрывы в экономической истории России XIX–XX вв. // ЭКО. 2021. № 4. С. 8–28. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-4-8-28*

For citation: Borodkin, L. I. (2021). Continuity and Gaps in the Economic History of Russia in the 19th–20th Centuries. *ECO*. No. 4. Pp. 8–28. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-4-8-28